

Японские беженцы в Забайкалье в 1932 г. (Из истории советско-японских отношений)



Владимир Григорьевич Дацышен,
доктор исторических наук, заведующий
кафедрой всеобщей истории Сибирского
федерального университета, Красноярск.
E-mail: dazishen@mail.ru

Статья посвящена важной, но малоизвестной странице истории русско-японских отношений. Осенью 1932 г. на советскую территорию (ст. Мациевская в Забайкалье) из охваченных антияпонским восстанием приграничных районов Маньчжурии были эвакуированы более двухсот мирных жителей, в основном женщины и дети. Благодаря советским дипломатам японцы спаслись от гнева восставших, а местные власти обеспечили беженцев всем необходимым для выживания в суровых условиях сибирской зимы.
Ключевые слова: японские беженцы, русско-японские отношения, восстание Су Бинвэня, Забайкалье, Маньчжоу-го.

Japanese refugees in the Trans-Baikal Territory in 1932. From the history of the Soviet-Japanese relations.

Vladimir G. Datsyshen, Dr. Sc. (History), Head of Department of General History at the Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

The article is devoted to important but little-known page in the history of Russian-Japanese relations. In autumn 1932 more than two hundred Japanese people, mostly women and children, were evacuated to the Soviet territory, the station Matsievskaya in the Trans-Baikal region, from the border regions of Manchuria covered by the anti-Japanese uprising. Owing to the Soviet diplomats the Japanese civilians were saved from the wrath of the rebels, and the local Russian authorities provided the evacuees with the necessaries to survive in the harsh environment of the Siberian winter.

Key words: Japanese refugees, Russian-Japanese relations, Su Binjwen's revolt, the Trans-Baikal Territory, Manchukuo.

Интересным и важным эпизодом русско-японских отношений являются советское посредничество при освобождении арестованных в Северо-Восточном Китае в 1932 г. японцев и приём их в приграничных районах Сибири. В истории Дальнего Востока это единственный подобный случай.

В 1931 г., воспользовавшись т.н. «инцидентом 18 сентября», Квантунская армия начала оккупацию Маньчжурии (Северо-Восточного Китая). В начале 1932 г. инспирированное японскими милитаристами «Всеманьчжурское совещание» провозгласило создание государства Маньчжоу-го

во главе с бывшим китайским (цинским) императором Пу И. Большинство местного населения вступило в борьбу с японской экспансией. Часть китайских военных сил в 1932 г. подняла мятеж против новых властей Маньчжурии и Квантунской армии. Базой для восставших стали приграничные с Россией районы Сибири и Дальнего Востока.

С первых дней японской агрессии в Маньчжурии СССР объявил о нейтралитете, хотя симпатии как его руководства, так и общественности были на стороне китайцев. 23 сентября 1931 г. глава Советского государства И.В. Сталин озвучил такую установку: «Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас нецелесообразно» [3, с. 34]. Весной 1932 г. в газете «Известия» заявлялось: «СССР с первых дней Дальневосточного конфликта занял позицию твёрдого нейтралитета. Симпатии трудящихся Советской страны к китайскому народу, изнывающему под гнётом империалистической эксплуатации, конечно, являются фактом бесспорным. Но это сочувствие освободительной борьбе китайских рабочих и крестьян ни в коей мере не нарушило той неуклонной линии строгого невмешательства, которая естественно вытекала из общей мирной политики Советского Союза» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 162].

Развернувшаяся в Северо-Восточном Китае борьба поставила в тяжёлое положение живших и работавших там японских подданных: периодически отмечались случаи насилия над ними со стороны китайских войск. Уже с начала 1932 г. военное командование Японии ставило вопрос об эвакуации своих граждан из приграничных районов Маньчжурии в СССР. Например, в сообщении Полномочного представительства Объединённого государственного политического управления Восточно-Сибирского края (ПП ОГПУ ВСК) от 27 февраля 1932 г. говорилось: «Японский консул сообщил нашему консулу в Харбине, что, в связи с угрозой японским резидентам на Восточной линии КВЖД, японские резиденты из Имяньпо эвакуируются в Харбин. Одновременно он сообщил, что находящихся в районе ст. Пограничная японских резидентов в числе 200 японцев и 20 тыс. корейцев японское консульство решило эвакуировать временно на нашу территорию (СССР) в район Гродеково или в Никольско-Уссурийск, а в случае отсутствия там помещения, во избежание недоразумений, — во Владивосток. Японский консул, указывая, что корейцы вряд ли пожелают эвакуироваться... речь идёт только о японцах... подчёркивает, что на основе прошлого он уверен в положительном ответе со стороны нашего правительства...» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198а. Л. 17].

В сентябре 1932 г. возникла реальная опасность для японцев, проживавших в районе западного участка КВЖД, контролируемого армией Су Бинвэня. В подборке материалов ОГПУ от 22 сентября 1932 г. говорилось: «„Дунсаншен“ сообщает: хайларский генерал Су внезапно заявил антиправительственную позицию. Захватывает поезда, пока кроме поездов международного сообщения, обыскивает японских пассажиров. Японские резиденты из Хайлара бежали в Цицикар... Сегодня Гунбао,

также японская пресса сообщают: начальник японской военной миссии спокойно вернулся вчера в Цицикар. Результаты переговоров — в строгой тайне, однако по достоверным сведениям Су выявил искренность подчинения правительству. Японские власти предложили резидентам вернуться в Хайлар» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 80]. В сводках ПП ОГПУ ВСК отмечались, например, такие факты: «24/IX в поезде, следовавшем из Фуляэрти в Маньчжурию... китайскими солдатами убит и сброшен с поезда японец в штатском» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 83].

Начавшееся в сентябре 1932 г. антияпонское восстание армии Су Бинвэня привело к активизации взаимодействия СССР и Японии по «маньчжурским вопросам». В первую очередь обсуждалась возможность эвакуации граждан последней из охваченных мятежом районов на советскую территорию. Ещё до начала восстания, 19 сентября 1932 г. советник посольства Японии в Москве Амо Эйдзи поставил вопрос о потенциальной эвакуации японцев из Маньчжурии в СССР. В ответ заведующий Дальневосточным отделом НКВД Б.И. Козловский высказал личное мнение: «...столько японцев мы не в состоянии разместить даже в Чите» [2, с. 111].

Вскоре в местности, занятой силами мятежного генерала Су, китайские военные арестовали практически всех граждан Японии. Её правительство обратилось к СССР с просьбой о посредничестве в освобождении японских резидентов и разрешении им эвакуироваться на советскую территорию. В середине октября русская эмигрантская газета в Нью-Йорке поместила следующее сообщение: «По просьбе японского правительства советское правительство предложило советскому консулу на ст. Маньчжурия (Манчули) начать переговоры с лидерами китайских партизан в Маньчжурии об освобождении 300 японцев и корейцев, захваченных ими в Манчули и Хайларе. Вмешательство своё большевики объясняют „соображениями гуманности“» [5].

На ст. Маньчжурия заниматься вопросами посредничества было поручено советскому консулу В.В. Смирнову. 6 октября 1932 г. он сообщал заместителю наркома иностранных дел Л.М. Карахану: «Сегодня с разрешения штаба [генерала Су Бинвэня] говорил по телефону с японским консульством. Они просят сообщить японскому посольству в Москве: в японском консульстве находятся 158 резидентов, в Чжалайнор-Ирэк-тэ — 15, в Хайларе — 60... включая корейцев... Кроме того, в маньчжурской тюрьме японских чинов отряда пограничной полиции Маньчжоу-го — 77 чел., итого — 310 чел. Продовольствием обеспечены, денег пока не надо... Японский профессор Танакадатэ, информированный по нашей просьбе на 86-м разъезде о происшедших здесь событиях, остался на разъезде и 1 октября выехал через Читу во Владивосток...» [2, с. 560—561].

Для спасения своих резидентов японцы обратились за помощью к советскому руководству. Полпред в Японии А.А. Трояновский 19 октября 1932 г. докладывал в НКВД СССР: «Штаб Квантунской армии предполагает начать наступление... это может погубить задержанных японцев, но ничего не поделаешь. Переговоры с восставшими затруднены тем,

что никто не хочет посылать своих представителей на территорию противника. Если переговоры начнутся, то лучше их вести на нейтральной территории. Он спрашивал, допустим ли мы представителей маньчжурского государства на ст. Мациевскую для переговоров с восставшими...» [2, с. 581—582]. Советское правительство поручило консулу на ст. Маньчжурия В.В. Смирнову обсудить с Су Бинвэнем вопрос эвакуации японцев на территорию СССР. Переговоры прошли успешно, и резиденты были доставлены на советскую станцию Мациевская.

Япония выразила удовлетворение действиями СССР. Советская разведка сообщала: «Помощник начальника японской военной миссии Такеита в данном „Харбинском времени“ интервью заявил: „сейчас, наоборот, наблюдается помощь со стороны СССР японским представителям, озабоченным спасением японских резидентов. Помимо этого... СССР оказывает содействие [им] и в других вопросах“» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 64]. 27 октября 1932 г. японский временный поверенный в Москве Амо Эйдзи сообщил Л.М. Карахану, что получил инструкцию от своего правительства, в которой выражалась благодарность советскому руководству за помощь в освобождении японских граждан и содержалась просьба о «дальнейшей помощи к освобождению японских резидентов из района Маньчжурия» [2, с. 589].

С целью подготовки эвакуации на родину размещённых на ст. Мациевская японских беженцев в Забайкалье прибыли вице-консул из Новосибирска и консульский служащий из Владивостока. Для оказания медицинской помощи беженцам из Читы приехали русские врач и три медсестры. Консул В.В. Смирнов телеграфировал на имя Л.М. Карахана: «О положении на Мациевской нас ежедневно информируют... [эта работа осуществляется] уполномоченным дирекции ст. Забайкальской. Японцы размещены и обслужены хорошо в пяти мягких пульмановских вагонах КВЖД, питаются в вагоне-ресторане, имеются вагоны-лавки торгсина, два санитарных с врачами и акушерами и баня с прачешной. Сегодня в Мациевскую прибыл вице-консул Отани и корреспондент Баба, которые после внимательного ознакомления остались заметно удовлетворены положением эвакуированных, инженер Оцуюджио находится в японском консульстве. Ваш № 6692 — получена одна тысяча американских долларов, две тысячи — пока нет за отсутствием в Чите валюты» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 73]. В это же время в документах ОГПУ отмечалось: «2 ноября из Читы прибыли один врач и три медицинских сестры для обслуживания эвакуированных японцев. Вопрос снабжения торгсином и вагоном-рестораном на сегодня урегулирован. Прибывшие 2 ноября в Мациевскую японский консул Отани и японский журналист Баба, по ознакомлении с положением эвакуированных, обстановку и приём японцев признали хорошими... приносят благодарность за оказанную заботливость. В беседе с нашими представителями японский консул подчеркнул, что такого радушного приёма их резидентов он никогда не ожидал, думая, что их разместили в теплушках. Японский

корреспондент Баба дал телеграмму НКВД, описывая в основном положение японских резидентов» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 73].

Для более эффективного использования советского посредничества в разрешении японо-китайских противоречий, возникших в связи с восстанием армии генерала Су Бинвэня, японская сторона отправила на советскую территорию специальную делегацию. В телеграмме Л.М. Карахана на имя генконсула в Харбине М.М. Славуцкого от 25 октября 1932 г. говорится: «Араки обратился к Трояновскому с просьбой разрешить отправку на нашу территорию около границы делегатов Маньчжоу-го вместе с несколькими японскими офицерами для встречи и переговоров с представителями Су Бинвэня... Мы сообщили Трояновскому наше согласие на просьбу Араки, а также на полёт на аэроплане» [3, с. 117]. Через день временный поверенный Японии в Москве Амо Эйдзи передал Л.М. Карахану примерные условия направления японских представителей в Забайкалье. Советское правительство одобрило эти предложения. Делегацию возглавил начальник военной миссии в Харбине, бывший военный атташе в Советском Союзе полковник Комацубара Мититаро. 4 ноября 1932 г. японские СМИ сообщили: «Генконсул СССР Славуцкий посетил начальника японской военмиссии Комацубара для согласования поездки делегатов Квантунской армии и Маньчжоу-го на ст. Мациевская, передав согласие на пропуск японского самолёта на ст. Даурия» [ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 145]. Первая группа японской делегации прилетела на самолёте на ст. Даурия и далее проследовала на ст. Мациевская 11 ноября 1932 г., вторая группа, с чиновниками Маньчжоу-го, прибыла 14 ноября.

Несмотря на то, что Комацубара Мититаро был направлен в приграничный район Забайкалья для давления на Су Бинвэня с целью его капитуляции, японская сторона декларировала, что задачей представителей Квантунской армии являются вопросы эвакуации японских граждан из района КВЖД. Амаока (Ямаока Мицикате, помощник японского военного атташе в Москве с 1930 г., включённый в состав японской делегации на переговорах в Забайкалье. — *Прим. авт.*) в частном разговоре с корреспондентом «Восточносибирской правды» сообщил, что, по сути дела, в Мациевской находится не одна, а две комиссии — Японии и Маньчжоу-го. Японцы будут заниматься спасением своих резидентов, что и является их единственной целью. Прибывшая на Мациевскую японская делегация в документах подписывалась следующим образом: «Японская миссия для спасения страдающих японских резидентов в Барге» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 62].

Освобождение и эвакуация японских граждан из охваченных восстанием районов проходили в несколько этапов. В документах ОГПУ говорилось: «По телефону зам. дипкомиссара 4 ноября сообщал, что китайским штабом в Хайларе 5 ноября отдан приказ о сосредоточении... всех японских женщин и детей в Хайлар, откуда таковые будут направлены в Маньчжурию. Одновременно заместитель комиссара отметил, что некоторые японские женщины в Хайларе заявили о желании задержаться»

ся с мужчинами до ликвидации своих торговых и других дел, почему по заявлению зам. дипкомиссара задерживается эвакуация остальных женщин и детей. По этому вопросу мы спросили по телефону мнение японского консула, каковой ответил, что это обстоятельство не является действительным и не может служить задержкой в эвакуации... Консул по телефону просил передать просьбу в посольство... чтобы ввиду задержки в эвакуации из Хайлара женщин и детей, не дожидаясь последних, отправить всех женщин и детей со ст. Мациевская в Японию. 3 ноября из местной тюрьмы освобождены и переданы Штабом в японское консульство шесть мирных японских резидентов» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 75]. 4 ноября 1932 г. генерал Су Бинвэнь заявил советским представителям, что будет эвакуироваться на территорию Советского Союза, отметив, «что предполагает всех японцев-«манчжуговцев» захватить с собою и сдать нам» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 56].

Эвакуация японских подданных с территории, охваченной восстанием войск генерала Су Бинвэня, в основном закончилась к 27 ноября 1932 г. В сообщении Полномочного представительства ОГПУ ВСК от 3 декабря 1932 г. говорилось: «Советским консулом в г. Маньчжурии Смирновым получено по телефону от японского консульства следующие две записки: 1. „Прошу передать в Министерство иностранных дел следующее: 51 чел. японцев — японок и детей из Хайлара — эвакуировано из Маньчжурии на территорию СССР 27 ноября в 11 часов ночи. В консульстве находится Ямасаки, 12 сотрудников консульства, Обара, Уно, Тюрада и 5 резидентов (4 мужчины и 1 женщина) — всего 21 чел. Переговорите с Советским правительством, чтобы оно содействовало перед китайскими властями о согласии последних на эвакуацию 10 сотрудников консульства, кроме Ямасаки — Манива и Фукума“ 2. „Прошу передать в Министерство иностранных дел следующее: количество эвакуированных мирных резидентов-японцев — 210 чел., в том числе мужчин — 48, женщин — 98 и детей — 64. Количество оставшихся японцев, кроме корейцев и заключённых японцев, следующее: в консульстве остались Ямасаки, 12 сотрудников консульства по подозрению в антикитайской деятельности и находящихся (находящиеся. — *Прим. ред.*) в консульстве Тирада и Онемора, двое мужчин и одна женщина. Кроме того, в консульстве остался один мужчина, хайларский резидент, пока не желающий эвакуироваться. Одна японка, содержанка китайца, по желанию осталась в Маньчжурии вне консульства. Две японки, содержанки китайцев в Хайларе, заявили хайларскому японскому консульству о том, что они не хотят эвакуироваться. По сведениям китайского штаба Японии, содержанки китайцев в Чжалайноре и один японец, две японки и четверо детей в Бухеду не желают эвакуироваться. Четыре японца и три японки в Иректе пропали без вести. В Чжалантуне нет никаких резидентов. Таким образом, все мирные резиденты-японцы, кроме вышеуказанных, китайским штабом эвакуированы на территорию СССР.. Штаб сообщил нам по телефону, что все корейцы эвакуироваться в Японию не желают, по этому вопросу ожидается

письменное сообщение от китайского штаба. В настоящий момент можно считать выполненным данное нам генералом Су согласие на эвакуацию мирных японок...» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 57—58].

После размещения на ст. Мацевская вывезенных из Маньчжурии японцев стороны приступили к решению вопроса их эвакуации на родину. В документах ОГПУ от 11 ноября 1932 г. говорится: «Японский консул просит по телефону советского консула Смирнова об ускоренной отправке эвакуированных японцев женщин и детей из Мацевской в Японию, на что Смирнов ответил, что это зависит не от него, а от посольства в Москве... кроме этого японское консульство просило достать риса, муки и сахару, но ввиду отсутствия продуктов на местном рынке получило ответ, что в таком количестве этих продуктов достать здесь не предоставляется возможным. В связи с этим японский консул по телефону просил передать следующую программу посольству: „Эвакуированные женщины и дети уже неделю задерживаются на Мацевской, тёплой одежды нет, тогда как наступают морозы; некоторым женщинам предстоит разрешиться от беременности, и, кроме того, советский консул непосредственно не касается перевозки их на территорию СССР, примите меры, чтобы Штени распорядился их выездом из Мацевской, не ожидая женщин и детей, эвакуированных из Хайлара и других пунктов, благоволиите передать Мининдел о нижеследующем: так как запас продовольствия в консульстве имеется на 20 дней, на месте нельзя достать, вышлите нам через Владивосток скорейшим путём сто пудов риса, десять пудов сахару, два пуда мяса, пятьдесят пудов муки“» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 72].

Советское руководство старалось учитывать все пожелания японской стороны в вопросах эвакуации мирных жителей. 13 ноября начальник ПП ОГПУ ВСК сообщал: «Получена следующая телеграмма НКВД — Кархана: „Японцы решили эвакуировать в Японию находящихся на Мацевской женщин и детей, не дожидаясь прибытия туда ещё оставшихся в Маньчжурии резидентов, об эвакуации которых наш консул продолжает переговоры с китайскими властями. Эвакуацией по японской линии будет руководить на месте находящийся в Мацевской японский вице-консул в Новосибирске Отани. Просьба принять меры к тому, чтобы обеспечить проведение эвакуации в Японию, а также внимательно продумать, как это было сделано на Мацевской. Японских резидентов следует обеспечить в пути питанием и всем необходимым. Расчёты произведём с японским правительством по представленным счетам с мест“. По сообщению Владивостокского Оперсектора, в Мацевскую 10 ноября выехали секретарь японского консула Такиев и служащий японского общества Ниямо для принятия японских беженцев из Маньчжурии» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 63]. В начале декабря 1932 г. из Иркутска доложили об отправке на родину уже второй партии японцев: «По сообщению из Даурии 30/XI в 10 ч. 35 мин. московского времени со ст. Мацевская отправлен эшелон японских резидентов, в составе — 44 мужчины и 44 чел. женщин и детей» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 58].

Армия Су Бинвэня не смогла остановить начавшееся 28 ноября 1932 г. наступление японских войск. Вечером 4 декабря, несмотря на отсутствие разрешения со стороны Москвы, силы генерала и следовавшие с ними мирные беженцы пересекли советско-китайскую границу. Пресса СССР, сообщая об этом событии, отмечала: «китайские воинские части вывезли с собой со ст. Маньчжурия в трёх вагонах японских резидентов и китайских служащих Маньчжоу-го... Японские резиденты, а также китайские служащие Маньчжоу-го переведены на ст. Мациевская для дальнейшего следования по их желанию в Маньчжурию или Японию...» [4]. В сообщении ОГПУ отмечалось: «Вслед за поездом Су Бен Веня прибыл поезд с тремя вагонами под замками, в которых находилось 120 чел. японских резидентов и китайцев, служащих Маньчжоу-го без охраны» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 54].

В ночь на 6 декабря 1932 г. японские войска заняли станцию Маньчжурия. Сразу же после этого туда стали выезжать японцы из Мациевской. 7 декабря из Иркутска сообщили: «Находящейся на Мациевской японской комиссии по их просьбе разрешено выехать в Маньчжурию. Также просят разрешение на выезд в Маньчжурию вице-консул Новосибирска Отани и корреспонденты Баба и Токай, не имеющие виз, коим предложено возбудить вопрос о разрешении по линии Наркоминдела» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 52]. В циркуляре ОГПУ от 9 декабря 1932 г. говорилось: «6/ХІІ... Сегодня прибыл в Маньчжурию Комацубара. Он просил сообщить его просьбу ускорить разрешение вопроса об отправке в Маньчжурию оставшихся на Мациевской японских беженцев, каковой вопрос поставлен перед советским правительством вице-консулом Отани через посольство» [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 49]. Согласно документам, полковник Комацубара ещё долго оставался на ст. Маньчжурия, вместе с японским генералом Хаттори он посетил советского консула для выражения благодарности за посредничество в японо-китайских взаимоотношениях [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 50].

События осени — зимы 1932 г. на советско-китайской границе в районе ст. Маньчжурия являются важным эпизодом в истории русско-японских отношений. Руководство Советского Союза и власти на местах проделали большую работу по спасению мирных японских подданных, жизнь которых оказалась в опасности во время военных действий. Пример с эвакуацией японцев осенью 1932 г. в Забайкалье показывает, что политические противоречия в двухсторонних отношениях никогда не были непреодолимым препятствием для русско-японского сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. ГАНИИО (Гос. арх. новейшей истории Иркутской области).
2. Документы внешней политики СССР. Т. 15. М.: Госполитиздат, 1969.
3. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. М.: Памятники исторической мысли, 2010.
4. Красноярский рабочий. Красноярск. 1932. 12 дек.
5. Новое русское слово. Нью-Йорк. 1932. 17 окт.